

Хроники Петрополиса

Тимур Суворкин

Ариадна Тим

Механический
гений сыска

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С89

Редактор серии *Анастасия Осминина*

Иллюстрация на обложке *Lady Shalirin*

Оформление серии *Екатерины Петровой*

В оформлении издания использованы элементы дизайна:

© Vectorpocket, Tako design, gagah sukmoaji, toriru / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Суворкин, Тимур Евгеньевич.

С89 Ариадна Стим. Механический гений сыска / Тимур Суворкин. – Москва : Эксмо, 2024. – 384 с.

ISBN 978-5-04-199434-1

В 1825 году победили декабристы, и Петрополис с трудом восстановился после кровопролитной войны.

Для расследования преступлений люди научились создавать умные машины и роботов. Ариадна С.Т.И.М. – опытный образец гениального сыщика, но в ходе испытаний она убивает несколько человек. Единственный, кто после этого захотел с ней работать – сыщик Виктор Остроумов. Он видит в Ариадне больше, чем безжалостную машину, но к чему приведет подобное доверие?

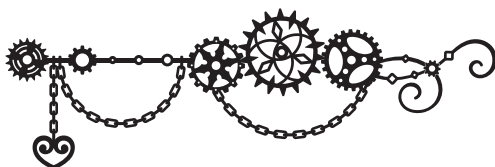
УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Суворкин Т.Е., 2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199434-1

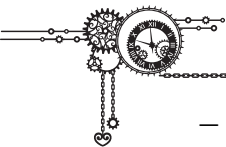

ПРОЛОГ

Допросная наполнилась запахом крови и железа. Тело убитого дознавателя уже накрыли брезентом, но меня все равно передернуло от того, что я увидел внутри. Кровь всюду: на полу, на сводах потолка, на беленом кирпиче стен, выщербленном чудовищными ударами стальных лезвий. Рядом с зарешеченным окном отпечаток пятерни, точно убитый жандарм в последний миг рванулся туда, надеясь докричаться до помощи.

Сопровождающий меня полковник не пророчил ни слова, лишь жестом подозвал к окну, указывая наружу. Я всмотрелся во мрак внутреннего двора. То, что расправилось с дознавателем, было сейчас там. Глаза невысокой фигуры горели синим неживым светом. Запертая во дворе-колодце, отсеченная от свободы стальными дверьми, она загнанными зверем стояла в углу, уже утратив надежду вырваться.

Дверь в допросную распахнулась, и появившийся человек в расшитом мундире что-то быстро зашептал полковнику, но тот прервал вошедшего резким движением.

— Вам надо, вы и делаете. Хотите брать живой — отправляйте своих людей. Я туда никого не пошлю, увольте.

Полковник искоса посмотрел в коридор, где все еще лежали разбитые револьверные винтовки и окровавленный, вскрытый чудовищным ударом лезвий стальной жандармский нагрудник.

Будто услышав наши голоса, стоящая во дворе фигура рывком повернулась к нам. Холод светящихся синих глаз пронзил темноту, и я почувствовал, что она внимательно, тщательно запоминая, рассматривает нас. В то же мгновение полковник оттащил меня от окна, словно не был уверен в прочности решеток.

— Почему вы дали мне это увидеть? — наконец сумел спросить я.

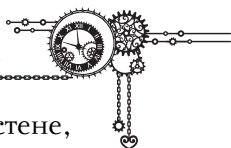
Жандарм с сочувствием посмотрел на меня.

— Я семье твоей, Виктор, многим обязан. Очень многим. Поэтому возвращаю долг. Я зачем тебе сказал приехать? Чтоб ты своими глазами посмотрел. Ты же знаешь, что в следующем году уже сыскному отделению с этой тварью столкнуться придется. Вам, понимаешь? А у тебя образование какое? Духовно-механическое училище же? Ты понимаешь, что тебя могут заставить заниматься ею? Как вот его.

Полковник кивнул на мертвого дознавателя.

— Виктор, прошу, как только узнаешь, что оно появится в сыском отделении, найди любой предлог, но уезжай из столицы. Отпуск, болезнь, увечье себе нанеси, что угодно, но уезжай. Ты же как он не хочешь закончить?

Конец фразы потонул в лязге железа. Ворота внутреннего двора распахнулись, и туда повалили люди в черных кирасах. Ярко вспыхнул синий свет глаз. Фи-

гура отшатнулась в угол, прижимаясь спиной к стене, но стоило вошедшим приблизиться вплотную, как она развернувшейся пружиной рванулась вперед. Раздались выстрелы, крики, скрежет металла, тяжелые удары лезвий по мясу и хлопки шоковых разрядников.

Полковника передернуло.

— Помни, Виктор, год, он быстро пролетит. Очень быстро. Поработай, поднакопи денег, а потом беги из столицы. Куда угодно беги, но только от этого подальше.

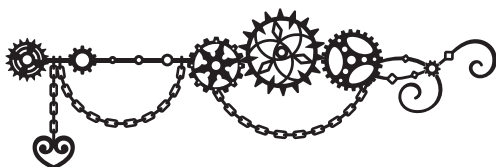

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ

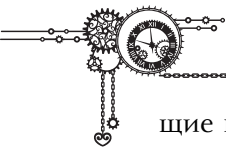

0001

«Петрополис. Город, над которым никогда не восходит солнце. Краснокирпичные фабрики и темные от копоти поезда, грохочущие по улицам полицейские локомобили и сторожевые броненосцы, режущие мертвые воды залива, — все это извергает удушливый чернѳый дым, застилающий небеса на многие версты вокруг. Я поднимаю голову — смог над столицей империи никогда не исчезает, но сейчас ледяной ветер с залива делает его пелену реже, позволяя увидеть искристый электрический свет плывущих над дымным морем дворцов. Хрустальные, легкие, точно останки стрекоз, они возносятся в небеса на тонких ажурных опорах. Интересно, видно ли их хозяевам нас, ту толпу, что заполняет улицы города? Наверное, видно, иначе почему в смехе, доносимом оттуда шквальными порывами ветра, я чувствую царапающие, почти истерические нотки?»

Ветер стихает. Дым Фабричной стороны вновь заволакивает небо. Улицы погружаются в клубящуюся тьму. Нагрудный ацетиленовый фонарь не может осветить путь и на десять шагов вперед. Толпы вокруг меня больше нет, вместо нее неясные, кашляю-

щие кровью силуэты, несущие на своих плечах саван из смога. Проверив двухзарядный пистолет и нашарив в кармане кастет, я ускоряю шаг. Дымная тьма, единственная полновластная хозяйка этих улиц, дрожит вокруг меня. Дрожит от предвкушения. Предвкушения той крови, что прольется сегодня в столице, если я допущу хотя бы одну ошибку...»

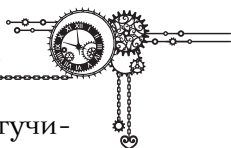
— Ну, что думаешь, Остроумов? Хорошее начало для книги? — вытащив ампулу табачной настойки, Парослав Котельников с щелчком зарядил трубку и, с наслаждением откинувшись в кресле, закурил. Лист в печатной машинке покраснел, ловя отсвет нагревательных спиралей, а затем кабинет старого сыщика стал медленно заполняться сладким густым дымом.

— Да, начало, конечно, отличное... — Я сделал вид, что занят тщательным размешиванием сахара в своем чае, а сам принялся подбирать верные слова в разговоре с начальником. — Но... Стоит ли так сгущать краски? Что значит «город, над которым никогда не восходит солнце»? К чему такие мрачные эпитеты? Вон второй раз за месяц уже солнышко показывается.

Я с наслаждением повернулся к окну, подставляя лицо закатным лучам. Огненный шар медленно катился к горизонту, и наполненный его светом дым топил улицы в золоте. В воздухе плыл звон — вдали оживали шестерни колоколен, начиная звать к вечерне.

— Виктор, ну это же была метафора такая. Ну, или гипербола, черт их разберет...

— А про дворцы и толпу это у вас, простите, что был за пассаж? Парослав Симеонович, вы же детектив писать собрались, а не манифест коммунаров. Вы думаете, вам цензура такое издать позволит?

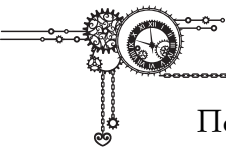
Котельников выдохнул сизый дым и пожал могучими плечами с явно деланным безучастием:

— Ну, не издадут так не издадут. Знаешь, Виктор, кто нужно, тот все равно прочтет. Эх, быстрее бы на пенсию по выслуге лет. Чтоб все к чертям: бумажки эти к чертям, все эти отчеты генерал-губернатору к чертям... Всех этих графов-евграфов и прочих высококосятельств куда? Правильно: к чертям. Сдать дела, да в имение наконец махнуть. По утрам щучку буду ловить, а по вечерам над рукописью работать. Ты понимаешь, какая книга выйти может? Виктор, я ж за сорок лет службы такие дела раскручивал, что никому и не снилось. Одно дело Ваньки Апостола чего только стоило, а? Или Двойной человек? Волхвы Тараканьего бога? Холодный огонь князя Гагарова? Загадка малахитового душителя? Осиновый ребенок? Убийство на дирижабле Борей? А если цензура пропустит, то и про доктора Кибальчича и его ракетоплан написать можно будет. — Парослав заулыбался и мечтательно посмотрел в потолок. — Ах, Виктор-Виктор, какие дела были при покойном-то императоре, какие преступники... Сейчас таких уже нет. Перевелись. Нынче уж другое время настало... Механическое время... Бездушное.

Я не стал говорить о своей несогласии, лишь улыбнулся привычному ворчанию старого сыщика.

— Буду всенепременно рад прочесть ваши воспоминания, Парослав Симеонович. — Я вытащил из внутреннего кармана мундира сложенное прошение, решив, что раз уж речь зашла о механическом и бездушном, лучшего момента для его подачи не будет.

— И я буду рад... — Сыщик пробежал глазами по бумаге, и его лицо сразу стало жестким, нехорошим. — Буду рад, если ты до этого момента доживешь.

Повисло вязкое, тягостное молчание. Парослав недовольно отложил прошение.

— Добровольцем, значит, решил вызваться... Виктор, честно скажу, я не хочу, чтобы ты испытывал механизм.

— А кто тогда? Это же приказ самого министра внутренних дел — не будет добровольцев, все равно кого-нибудь из наших вам назначать придется. Я хоть в технике разбираюсь. Да и семьи у остальных...

Вновь повисло молчание. Мы смотрели на клубы дыма.

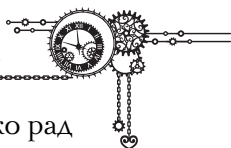
— Считаете, все же будут проблемы с механизмом, Парослав Симеонович? Все же целый год доработка шла.

— А ты сам как думаешь? Или, может, решил, что у тебя все гладко выйдет?

Я попытался не выдавать эмоций и пожал плечами:

— Вы сами слышали, что в Инженерной коллегии сказали. Механизм исправлен и отлажен. Машинерия в голове заменена. Так что, надеюсь, в этот раз все обойдется.

— В этот раз обойдется? — Парослав Котельников взорвался. — Да ты сам же видел все глазами своими! Один сбой — и пожалуйста! Труп! А о раненых я уж и не говорю! А ты про арестанта слышал? Слышал, что ребята из военного суда говорили? Следовательно только на минуту вышел, а как вернулся — у парня ни глаз, ни челюсти. Лежит на бетоне, кровью и слюнями исходит, а машина над ним стоит, зубами его поигрывает. Ну что, хватит тебе? Или, может, настройщика вспомним, которого механизм как караса выпотрошил? И вот теперь его к нам на испытания! Ты же пойми, у механизма этого шестерня какая не туда повернется в голове, и все, пойдут кишки по закоулочкам!

— Парослав Симеонович, да поймайте, я только рад отказаться. Но кого вместо меня-то пошлете на апробацию? Я хоть образование техническое имею.

Мы помолчали, прошение все так же белело на зеленом сукне стола. Наконец, Парослав Симеонович щелкнул автопером и размашисто расписался, с раздражением грохнув поверх гербовую печать. Чуть подумав, сыщик открыл ящик стола. На бумагу с тяжелым стуком лег кованный двуствольный пистолет.

— На, и чтоб при себе держал день и ночь.

— Картечь?

— Картечь, родимая. Если хоть что-то тебе покажется не так, сразу жахай по тулову, а потом уже с револьвера все пять пуль в голову стерве этой механической, чтоб наверняка. И плевать, что там их высококосятельства скажут, тебе главное — живым остаться. Все, что стоишь? Брысь с глаз моих. Завтра машину доставят, отдохни перед этим как следует.

